

Дочери Евы

Романы
ТАТЬЯНЫ ТРОНИНОЙ

Читайте истории любви в книгах
ТАТЬЯНЫ ТРОНИНОЙ

Солнечная девушка
*
Ханская дочь
*
Его тайная страсть
*
Та, кто приходит незваной
*
Огненный Марс
*
Русалочье счастье
*
Люблю, убью, умру
*
С надеждой на взаимность
*
Девушка-стихия
*
Интриганка
*
Не такая, как все
*
Чужая свадьба
*
Гнездо ласточки
*
Любить – губить
*
Никогда не говори «навсегда»
*
Я тебя найду
*
Магнолии, девушка, солнце
*
Не пара
*
Отблеск безумной звезды
*
Злюка
*
Чужая свадьба
*
Девушка – рябина
*
Хозяйка чужого дома
*
Роман с куклой

ТАТЬЯНА
ТРОНИНА

РОМАН
С КУКЛОЙ

МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т73

Оформление серии *С. Власова*

Трoнина, Татьяна Михайловна.

Т73

Роман с куклой / Татьяна Трoнина. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 384 с. — (Дочери Евы. Романы Т. Трoниной).

ISBN 978-5-699-83480-8

И все-таки почему мужчины так любят стерв? Почему клянутся никогда не иметь с ними дела, но снова и снова падают к их ногам? Неужели эта тайна так и не будет разгадана?.. Писатель Даниил Михайловский был женат дважды – оба раза исключительно неудачно. Так что вступать в новый брак более не собирался. Но явилась некая Ева, заявила, что хочет выйти за него замуж. И... состоялась свадьба! Все в восторге от новой супруги писателя. Кроме... его бывшей любовницы. Ведь это она их познакомила – в надежде на то, что Михайловский, ужаснувшись стервозности Евы, оценит по достоинству ее собственную любовь и преданность. Однако получилось как всегда – стерва покорила Даниила. Но надолго ли?..

**УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-699-83480-8

© Трoнина Т., 2015
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

Истинная любовь, она, как золото, никогда не ржавеет и не окисляется...

А. И. Куприн. Юнкера

Ева не любила мужчин. Она была вполне нормальной женщиной с вполне традиционными пристрастиями, но мужчин не любила, вот поди ж ты...

Конечно, «не любила» — сильно сказано, поскольку Ева была хорошенькой, и романы в ее жизни случались довольно часто, даже более того — на несколько дней или недель она могла потерять голову и чувствовала то волшебное состояние, которое называется влюбленностью, но скрытая и устойчивая неприязнь, ожидание подвоха, презрительная ирония к противоположному полу — не исчезали никогда.

Так настороженно относятся к чужакам, нахально заполонившим твой родной город. Так раздражают шумные соседи. Так утомляют дальние родственники, без всякого приглашения приехавшие погостить у тебя на месячишко-другой. Когда только соображения политкорректности и туманного гуманизма сдерживают напор негативных страстей...

Например, Ева никогда не лечилась у врачей-мужчин, но не из соображений стыдливости и не потому, что считала мужчин глупее, — нет, вовсе нет! Просто общаться с женщинами было проще и приятней.

Если Ева попадала на рынок, то подходила к женщине, а не к мужчине-продавцу, и ее не волновала мысль, что муж-

чина, возможно, из соображений галантности меньше об-
считает хорошенькую покупательницу. К черту галант-
ность! Пусть эта толстая тетка за прилавком жульничает,
Ева простит своей сестре этот мелкий грех...

Ева никогда не высказывалась открыто: «Все мужи-
ки — сволочи!», потому что это было бы слишком прими-
тивно, некрасиво и свойственно скорее той самой толстой
тетке за прилавком, чем ей, хорошенькой женщине. Эта
фраза звучала банально, как заголовок пустого сериала
для домохозяек... Но если бы Еву попросили рассказать о
своей нелюбви — о, она бы со свирепым и радостным удо-
вольствием пустилась бы перечислять грехи и недостатки
противоположного пола.

(Кстати, сразу стоит упомянуть — многие считали Еву
стервой, даже ее подруги. Многие были уверены, что ее
раздражают все люди без исключения, но это не так. Жен-
щинам Ева прощала глупость и ошибки, мужчинам — ни-
когда.)

Ее нелюбовь имела градации и возрастные рамки. Во-
первых, дети. (Маленькие мальчики всегда бестолковой,
чем маленькие девочки, — научный факт, между прочим.)
К маленьким мальчикам Ева была безразлична. Она ниче-
го к ним не испытывала — ни раздражения, ни ненависти.
Просто — ни-че-го. А вот девочки — такие славные, ми-
лые куколочки, их можно наряжать и причесывать, с ними
можно болтать о всяких забавных пустяках... Ева безус-
ловно обожала девочек, этих маленьких принцесс. Если
бы она вдруг собралась завести ребенка, то мечтала бы
только о девочке.

Во-вторых, юноши. Такое впечатление, что мозгов с
возрастом у них не прибавилось, а даже наоборот... Ди-
кие, очень дикие существа. Пьют пиво, разрисовывают
стены, гогочут лужеными глотками, приводят в отчаяние

педагогов и несчастных родителей. А те юноши, которые сидят над учебниками и смотрят на мир сквозь толстые линзы очков, вообще очень подозрительны. Ева была уверена, что в головах именно таких «ботаников» и творятся самые ужасные вещи. Именно из них вырастают Оппенгеймеры, бессознательно жаждущие разрушить мир с помощью очередной атомной бомбы...

В-третьих, мужчины. Ну, тут немного сложнее... Но не потому, что они какие-то особые. Сложнее потому, что Ева не всегда могла обойтись без них. Она нормальная женщина! Хорошенькая женщина, в конце концов... Мужчина, который рядом, — это вечная борьба компромиссов. Сколько можно его терпеть возле себя, а сколько — уже непозволительная роскошь? Откровенных бабников Ева на дух не выносила, не позволяя им даже приблизиться к себе, она даже как будто ощущала козлий запах, исходящий от них. А скромные тихони, стремящиеся создать семейный очаг, вызывали у Евы боязнь и желание удрать от них как можно дальше. Они были опасны, поскольку покушались на самое святое — на ее свободу.

В-четвертых, пожилые мужчины. Тут уж, казалось, можно было проявить снисхождение, но Ева слишком хорошо знала, что даже возраст не может оправдать их мерзких поступков. Она, как хорошенькая женщина, столько раз страдала от покушений старых сатиров! Другие стариканы, наоборот, ненавидели хорошеньких женщин (наверное, по принципу — «зелен виноград!»). Знали, что им ничего не обломится, и потому шли по жизни как танки, не замечая, что давят чужие ноги. Чугунные животы, каменные плечи, глаза из серого гранита... Сколько раз такие толкали Еву (и в самом буквальном смысле слова), сколько гадостей говорили!

Совсем старики — тоже попадались разные. Ведь ста-

рость (как и младенчество) словно лишает человека пола, он, человек, в старости становится мягким и неопасным и, свободный от голоса плоти, начинает думать о вечном... Но и то не всегда.

Итак, Ева не любила мужчин.

Ситуация была такова: накануне того дня, когда ей исполнилось тридцать три года, Ева поссорилась с Вадимом, с которым встречалась уже полгода (невиданно долгий срок), запретила некоему Илье Гамову звонить себе (поскольку телефонный роман после разрыва с Вадиком грозился принять более осязаемые формы — Гамов был очень настойчивым субъектом), а Николаю Николаевичу в угрожающе резкой форме заявила, что если он не прекратит ее преследовать, то она все расскажет его жене.

Словом, Ева на данный момент была свободна от мужчин — и очень этому радовалась. Некий отпуск для души...

На свой день рождения она пригласила только Шуру Лопаткину, которую знала чуть ли не с детского сада. Больше никого не хотела видеть.

Вечером, накануне, Ева отправилась в ближайший супермаркет за покупками, поскольку весь завтрашний день она собиралась провести в блаженной лени и абсолютном покое. Шурочка любила вкусно поесть, и Ева снисходительно относилась к этой слабости своей подруги.

Супермаркеты Ева предпочитала всем остальным формам торговли — в них необязательно было с кем-либо общаться. Навалила в тележку коробок и банок, переложила их на транспортер перед кассой, молча рассчиталась с кассиршей... Работают эти супермаркеты почти круглосуточно — приходи поздно вечером, когда практически нет посетителей, и ходи вдоль полок, сколько твоей душе угодно.

Ева положила в свою тележку пончики с ванильным кремом (для Шурки), мидии в томатном соусе (для себя,

Шурку от них почему-то рвет), полусладкое шампанское (то бишь игристое вино, как теперь принято говорить) — для обеих, готовые нарезки колбас и сыра. У витрины с морожеными курами Ева остановилась, задумавшись. Если курица, то, стало быть, ее придется готовить...

Зеркальная витрина отражала Еву.

Очень невысокая блондинка а-ля Мэрилин, в небесно-голубом платье. Сорок шесть килограммов чистой красоты.

Ева повертела головой, невольно любуясь сережками, которые купила недавно. Сапфиры удивительно сочетаются с платьем и глазами — не голубыми (это было бы уже слишком, пошло-важно даже), а ярко-серыми.

— Красавица!.. — произнес рядом восхищенный мужской голос. Даже еще не увидев того, кто эти слова произнес, Ева уже точно знала — это очень недалекий, малообразованный и вряд ли симпатичный представитель сильного пола. Иногда бывает достаточно только голос услышать, чтобы разобратся во всем.

Она чуть-чуть скосила глаза в сторону — так и есть, рядом стоял мужчина лет сорока пяти — пятидесяти, небритый, с глубокими залысинами, в потертом пиджаке из коричневой замши. В тележке его лежала бутылка самой дешевой водки и один-единственный сырок «Дружба». Иногда и голоса можно не слушать, достаточно заглянуть в тележку с покупками. Ева его видела насквозь — бывший мачо советского разлива. Когда-то блистал, мороча головы наивным дурочкам, приехавшим в Москву из ближнего зарубежья, теперь вышел в тираж, но пока еще не осознал этого. Злостный неплательщик алиментов, скорее всего.

Ева отвернулась и молча пошла вдоль полок. Она благородно давала этому типу шанс — пусть отстанет сам.

— Меня Жора зовут, а вас? — Тип и не думал отставать.

— Что тебе надо, Жора? — голосом Снежной королевы спросила Ева.

— Познакомиться хочу! — с наивной искренностью признался тот. — Я таких красивых только в телевизоре видел.

— А я не хочу с тобой знакомиться, — с угрозой произнесла Ева и мысленно фыркнула: «В телевизоре!»

Нахал с залысинами трусил рядом, умильно улыбался, показывая ряд золотых зубов.

— Почему? Ну почему, девушка, а?

Ева медленно остановилась, посмотрела ему прямо в глаза. Она никогда ничего не боялась, наоборот, всегда чувствовала справедливый гнев, когда ей приходилось давать отпор таким вот типам. Вероятно, нечто подобное ощущал Александр Невский, когда гнал тевтонов по льду Чудского озера...

— Потому что ты урод, — произнесла она с таким выражением, что у самой мурашки по спине побежали.

От неожиданности бывший мачо оцепенел.

— Ты на себя когда-нибудь смотрел со стороны? — мрачно сузив глаза, продолжила Ева свое наступление. — Ты хоть на какую-то самооценку способен?..

— Я не понимаю... — отшатнувшись, обидчиво заблеял тот.

— Есть люди, у которых на лице написано, что они прожили совершенно пустую, бездарную жизнь. Что они не совершили ни одного хорошего поступка, только пакости... — Ева сознательно не говорила то, что было принято говорить в таких ситуациях, например: «Отстань, дурак, я сейчас милицию позову». Она любила нестандартные фразы, ведь именно такие задевали собеседника больше всего. — Ты — глупый и никчемный, не смей подходить к порядочным женщинам, иди на вокзал и там ищи себе под-

ружек. Разве ты не понял, что жизнь твоя прошла, и прошла зря?..

— Ах ты...

— Ну что — «я»? Что «я»? С чего ты решил, что мне понравятся твои сомнительные комплименты?..

Тип попятился назад, таща за собой тележку. Глаза его были широко раскрыты, в них уже плескалась жгучая, нестерпимая ненависть. Вот так всегда — стоит таким людям понять, что им способны дать отпор, они бросаются в другую крайность.

— Жалкий пьянчужка, — мрачно добила его Ева.

— А ты... а ты... — От ненависти тип стал задыхаться.

— Ну что «я», убогий ты человек?.. — сурово усмехнулась она.

— А ты — СТЕРВА! — выкрикнул тот и убежал, скрывшись за рядами полок.

Ева укоризненно покачала головой и пошла дальше. «Нет, курицу не буду брать, возни с ней... Так, а тут у нас что? «Картофельная запеканка с мясом». Выглядит аппетитно на картинке... И возни никакой, всего-то в микроволновке разогреть!»

Ева положила в тележку еще и торт с яркой надписью по всему боку — «низкокалорийный». «Ладно, Шурке раз в году можно... Ну и мне тоже», — удовлетворенно решила она.

Шурочку Лопаткину она очень любила — наподобие того, как суровая мать любит свое единственное дитя. То есть спуску ей не давала, но если кто-нибудь, не дай бог, вздумает Шурочку обидеть — она, Ева, тому горло перегрызет!

— Стерва, гм... — презрительно пробормотала Ева. — Я ему глаза, можно сказать, открыла, а он меня стервой назвал!

Ева уже пробиравась к кассам, как вдруг, у книжных полок, которые располагались напротив веников, щеток, поролоновых губок для мытья посуды и пластмассовых ведер, увидела вывеску:

«Сегодня, в 21.00, по всей Москве начата продажа нового романа Даниила Михайловского «Спальня императрицы». Не пропустите!»

У Евы даже дух захватило. Новый роман Михайловского! Она не пропустила ни одного, прочитала все двадцать четыре предыдущих... «Господи, ну да, я сама недавно в газете читала, что скоро выйдет его новая книжка... Это прямо подарок судьбы, подарок к моему дню рождения!»

Ева решительно двинулась к книжным полкам, цапнула увесистый том в пестрой обложке.

Надо сказать, что Ева не была одной из тех пожирательниц легкого чтения, которых в последнее время развелось немало благодаря оборотистости некоторых писателей. Нет, Ева, строгая к себе и к окружающим, очень строго относилась и к искусству. Дамские романы она не читала, криминальные — только выборочно, любила во всем классику и могла под настроение даже Достоевского перечитать, чем очень угнетала Шурочку Лопаткину, которая жила только одними ироническими детективами.

Михайловский стоял особняком. Он, собственно, и не писателем был вовсе, а историком. Его исторические романы пользовались бешеной популярностью. Критики разделились на два лагеря — одни считали его сугубо коммерческим автором, умеющим ловко стряпать занимательные сюжеты, а другие утверждали, что Михайловский — это талант, возродивший интерес публики к отечественной истории. Впрочем, сам Михайловский в одном-единственном интервью, которое он дал только одной газете, скромно просил называть себя «беллетристом».

Есть некая тайна в том, как слова складываются в текст, как текут свободным повествованием, увлекая за собой читателя, как заставляют забыть обо всем на свете... Не все книги — такие, не каждому литератору удается владеть этой магией.

Но Михайловский был одним из тех, кто мог удержать внимание избалованной столичной публики. Он умел преподать историю так, что она превращалась в детектив и в любовный роман — одновременно. В трагедию и фарс. Его книги отличали простота и глубина. Одинокому человеку они могли заменить собеседника, любителю выпить — бутылку вина.

Ева обожала романы Даниила Михайловского, каждая его новая книга была для нее маленьким праздником.

Вот и сейчас она уткнулась в аннотацию на оборотной стороне книги.

— «История жизни Екатерины Великой — ее свершения на троне и тайны личной жизни... — забормотала Ева вслух. — ...новое изложение уже известных читателю фактов и сенсационные предположения...» Потрясающе!

Ева была уже в курсе свершений Петра I, Ивана Грозного и многих других государей. Хорошо знала о монголо-татарском иге и подвигах Александра Невского. О реформах Александра II и фрейлине Долгорукой. Жизнь Григория Распутина знала назубок, словно был тот ее близким родственником, не так давно прибывшим из деревни в город. Благодаря Михайловскому у нее совершенно изменилось мнение о лейтенанте Шмидте. Она заворуженно, со страхом и содроганием, наблюдала за жизнью кровавых советских диктаторов...

Словом, Ева прекрасно разбиралась в отечественной истории — именно благодаря Михайловскому (то, что она

учила в школе и в институте, давно и благополучно выветрилось из ее головы).

Правда, и стоил новый труд Даниила Михайловского недешево — это Ева осознала, уже расплачиваясь у кассы... Но на Михайловского ей денег было не жалко.

Она вышла из супермаркета, когда было уже совсем темно.

Неоновыми разноцветными огнями горела улица. Был тот самый августовский вечер, когда почти каждый прохожий начинает сожалеть об ускользающем лете и со смиренной грустью вспоминает о близкой осени.

Тепло и тихо, насколько тихо может быть в большом городе...

До дома Евы — рукой подать.

Впереди шла пара — он и она. Судя по походке и виду — довольно пожилые люди. Шли медленно, вдумчиво, держась за руки.

«Точно дети...» — мелькнуло у Евы в голове. Она очень уважала вот такие семейные пары. Про себя она точно знала, что: а) хорошего мужа она не найдет, ибо они — большая редкость в природе, б) даже если она найдет хорошего мужа, то он от нее быстренько сбежит, поскольку у нее скверный характер, терпеть который в течение долгих лет вряд ли согласится даже самый идеальный мужчина, в) зачем ей хороший муж, если свободу и спокойствие она предпочитает больше всего?..

И тут-то Еву озарила новая мысль, за которую она себя впоследствии не раз пилила, та самая мысль, которая перевернула всю ее дальнейшую жизнь.

Мысль была такая: «Собственно, а кто просит меня жить с кем-то до гробовой доски? Я могу просто сходить замуж. Ненадолго. Для того «чтобы было»...

Утром следующего дня Ева собралась принимать по-

здравления от своих родственников и знакомых, но жизнь, как всегда, внесла свои коррективы в ее планы. Проще говоря — эти глупые мужчины опять все испортили.

Позвонил Вадим и заныл:

— Ева, любовь моя, прости...

— Бог простит! — злорадно ответила она.

— Ты не поняла, это было просто недоразумение...

— Ага, недоразумение — я собственными глазами видела, как ты хватал эту лошадь в очках за бока!

— Но это смешно! — возмутился Вадим. — Подумаешь, обнял девушку! Я же не спал с ней, в конце концов...

— Еще чего не хватало!

— Так в чем же дело? — душераздирающе вздохнул тот.

— Вадик, надо уметь вовремя прекращать отношения, — холодно произнесла Ева. — Я не хочу быть униженной, а ты бы меня унижил рано или поздно, я это знаю. Я, Вадик, очень уважаю себя...

— Ева!

Она помолчала, стиснув зубы.

— Какой же ты дурак, Вадик, — наконец почти ласково сказала она. — Ведь я в сто раз красивее этой лошади в очках и в сто раз умнее. Я это говорю не потому, что у меня раздутое самомнение, а таковы факты. Есть некрасивые, но очень милые женщины... А то чучело, что ты при всех обнимал на вечеринке, — даже и не женщина вовсе!

— Как — не женщина? — испугался Вадим.

— А вот так! Я же сказала — это была лошадь в очках! — заорала Ева и бросила трубку.

Телефон зазвонил снова.

— Ева? Ева, это я, Илья... — зашептал ей в ухо Гамов. — Поздравляю тебя с днем рождения, Ева! Мне сказали, что ты рассталась с этим мерзавцем... Мы должны сегодня встретиться, Ева!